

БОЛЬНАЯ КРАСАВИЦА

«Мнѣ хотя нужно писать, но я не пишу черезъ свои трудныя матеріальныя обстоятельства. Я—человѣкъ непривилегированнаго класса, какъ крестьянинъ, рабочій—всякое время нужно убивать для насущнаго хлѣба... Мы, реальные, должны добывать хлѣбъ трудомъ и смертию»...

Это пишетъ въ частномъ письмѣ Архипъ, бывший севастьяпольскій матросъ, который участвовалъ въ движеніи 1905 года, бѣгалъ, сидѣлъ въ тюрьмахъ; потомъ вышелъ изъ военной службы, зажилъ въ деревнѣ крестьяниномъ; ушелъ и оттуда, а въ настоящее время служить рабочимъ на одномъ изъ московскихъ заводовъ.

«Я все своимъ умомъ кренился къ Божьей правдѣ... Много я думалъ, что такое жизнь, какъ понять ее ближе къ истинѣ. Читалъ сколько,—соціальныя книги, декадентскія, Евангеліе. Дверь истины заперта. Въ послѣднее время сталъ больше прислушиваться къ шуму за дверью истины»...

Письмо такъ безграмотно, что трудно не только понять, но и прочесть. Чудовищныя іероглифы, дѣтскія каракули о глубочайшихъ вопросахъ метафизики, мистики,—о жизни, о смерти, о Богѣ, о вѣчности.

Несмотря на безграмотность и косноязычіе,—иногда вдругъ страшная сила языка, но какая-то не личная, а общая, стихійная, какъ въ древнихъ былинахъ, сказкахъ и пѣсняхъ народныхъ. Въ отдѣльномъ голосѣ—гулъ голосовъ безчисленныхъ. Сила стихійная, безсознательная. Кажется, сознай себя пишущій «писателемъ», и все исчезнетъ, растворится въ полуинтеллигентной, полуграмотной тусклости.

Письмо — загадка почти неразгаданная, клубокъ мыслей и чувствъ, въ которомъ всѣ концы и начала спутаны. Но, можетъ быть, въ этой путаницѣ — иной порядокъ, въ этой безсвязности — иная связь, въ этой безграмотности — иная грамота, не наша, не интеллигентская? Можетъ быть, этотъ человѣкъ, «прислушивающійся къ шуму за дверью истины» — мудрецъ?

«Жизнью смерть страшная». — «Все непонятно, все плохо, все хорошо». Не напоминаетъ ли это изреченія полумифической древности, какого-нибудь Анаксагора или Гераклита Темнаго? Слова, какъ монолитныя глыбы, тяжкія, цѣльныя, нераздробимыя, вѣчныя.

А на обыкновенный интеллигентскій взглядъ — обыкновенная безграмотность, дикость, юродство и невѣжество. Въ недавнее прошлое иного взгляда и быть не могло; сейчасъ — можетъ быть. А какой изъ этихъ двухъ взглядовъ глубже проникаетъ въ реальность «реальныхъ людей, добывающихъ хлѣбъ трудомъ и смертью», — это еще вопросъ.

Въ 1907 году Архипъ посѣтилъ Толстого. Вотъ, какъ онъ описываетъ это посѣщеніе.

«Шелъ въ Ясную Поляну пѣшкомъ, верстъ 50 сдѣлалъ и очень усталъ. Долго дожидался въ саду, подъ деревомъ: весь промерзъ на холодномъ вѣтру. Стемнѣло. Вдругъ застучали копыта, и въѣхалъ графъ въ своей натуральной формѣ. Кликнулъ служителя, быстрой своей ухваткой слѣзъ, отдалъ лошадь. Я ему поклонился, и онъ кланяется. Спрашиваетъ жалостнымъ голосомъ: «Что нужно?». Я говорю «Ничего. Я посѣтить васъ пришелъ». Графъ продолжалъ спрашивать, какого уѣзда да къ чему пришелъ. Я затопился сказать, что могъ: что читаю я много и изъ чтенія вижу, что мнѣ будто нужно необходимо васъ видѣть.

— «Что читать? Зачѣмъ много читать?

«Только я хотѣлъ ему въ двухъ-трехъ словахъ объяснить, какъ послѣ этой минуты и говорить графъ:

— «Разъ у тебя нѣту ничего до меня, то прощай».

«Поклонился низко и пошелъ въ теплое мѣсто своего дома. Я приподнялъ шапку съ опозданіемъ отъ моей неожиданности. Такъ онъ ушелъ отъ меня со своею *отверженностью*».

Въ чемъ именно «отверженность»,—объясняетъ Архипъ довольно отчетливо.

«Я графа Льва Николаевича очень жалѣю, такъ какъ онъ въ книжкахъ писалъ, что надо все передѣлать, а какъ передѣлать,—не зналъ, да, по видимости, и теперь не знаетъ. Совѣтуетъ самовольно и покорно положить оружіе, и чтобы какъ гдѣ кто есть, тамъ бы и оставался и книжки не читалъ. Онъ, конечно, во всемъ всегда былъ обезпеченъ; думаю, труднѣй, если-бъ онъ былъ пролетаріемъ, и день цѣльный, за хлѣбъ сухой, на морозѣ рукавицей ность билъ, чтобъ не зябъ. Ну, однако, не избѣжалъ и онъ страшныхъ мукъ с жизни, когда хотѣлъ убить себя. Послѣ онъ себя успокоилъ, положилъ оружіе и говоритъ: не жди, когда будетъ всѣмъ хорошо, а всегда такъ будетъ... Успокоилъ себя, что неизвѣстно зачѣмъ человѣкъ на землѣ... А теперь его еще жальче, чѣмъ когда мучился. Ему теперь ни къ какой душѣ пути нѣту, потому что онъ самъ по себѣ, а мы сами по себѣ. Онъ велитъ не знать, а человѣкъ не можетъ этого. Онъ въ себѣ муку задавилъ и отошелъ на свое мѣсто; однако, думаю, ему тамъ не радостно, а только старается видъ доказать, что успокоилъ себя. Я уставшій было, въ холоду,—и то мнѣ радостнѣе передъ нимъ былъ. А то вотъ еще по тюрьмамъ многіе товарищи сидятъ,—такъ, думаю, и имъ отраднѣе». («Архипъ у Толстого», 3. Гиппиусъ).

Первое письмо Архипа отъ 1907 года, послѣднее—отъ 1914. Но какъ будто ни въ немъ самомъ, ни вокругъ него ничего не измѣнилось за эти семь лѣтъ. И, кажется, если бы не семь, а семьдесятъ или семьсотъ лѣтъ прошло, онъ писалъ бы все то же о томъ же. Какъ-будто нѣтъ для него нашего отдѣльнаго, личнаго времени, коротень-

каго вѣка человѣческаго, а есть только общая вѣчность— вѣка жизни народной; какъ-будто, живущій подъ «властью земли», вѣчной, недвижной стихіи, онъ и самъ недвижимъ и вѣченъ.

Но это только на первый взглядъ, а если вглядѣться пристальнѣе, то и въ Архиповой недвижной вѣчности что-то движется, мѣняется въ соотвѣтствіи съ нашимъ коротенькимъ вѣкомъ интеллигентскимъ, съ нашимъ движеніемъ общественнымъ.

«Во мнѣ послѣднее время произошла нѣкоторая *пере-мѣна*»,—замѣчаетъ онъ. Въ чемъ же эта пере-мѣна? За эти семь лѣтъ онъ понялъ окончательно то, что началъ понимать еще тогда, въ 1907 году, послѣ посѣщенія Толстого,—понялъ, что христіанство и толстовство не одно и то же.

«Толстой не могъ молиться, не могъ и я молиться. Сколько разъ приходило въ голову, для чего Христосъ молился. А Христосъ—не Толстой и не я: онъ не прижимался къ жизни, боясь смерти; потому что зналъ ее. Онъ все зналъ,—почему и называется у насъ *Богочеловѣкомъ*... А кто мы съ Толстымъ? Испугались жизни, какъ затравленные зайцы... Намъ, простымъ людямъ, «реальнымъ», въ силу необходимости надо держать руку подъ козырекъ, говорить, какъ дуракъ средневѣковья: «никакъ нѣтъ», «точно такъ». А пущай изъ насъ кто захочетъ хоть Толстого осуществить, какія начнутся мытарства! Не облегчить себѣ жизнь, а хуже будетъ жить въ рабахъ»...

«Осуществить Толстого»—не знать, не желать, не думать, «успокоить себя, задавить въ себѣ муку», сказавъ: «не жди, когда будетъ всѣмъ хорошо, а всегда такъ будетъ»,—это и значить «жить въ рабахъ». Но этого человѣкъ не можетъ, этому и Христосъ не училъ. «Душа проситъ истинной свободы, слышитъ, есть вода живая, отъ какой жажды не будетъ».

Нѣтъ, не даромъ прошли для Архипа эти семь лѣтъ: онъ жилъ въ нихъ вѣрою, что восторжествуетъ правда

Божья — «правда моя, и всего русскаго народа, и всего міра». А что свобода и есть «правда Божья», — это онъ тоже понялъ окончательно.

И еще кое-что понялъ, увидѣлъ воочію, что и мы всѣ видѣли за эти семь лѣтъ.

«Я ужасался, какъ моихъ товарищей за правду гнали... Они были блѣдны передъ смертнымъ ужасомъ; они не знали ничего; они вѣрили въ правду: этимъ, думали, служили Богу. Мы ихъ отправили въ будущую жизнь, какъ мучениковъ. Вѣрили, Богъ имъ тамъ дастъ жизнь. Мы, простые люди, вѣрили въ Бога, что получимъ помощь и возрожденіе».

Но вѣра оказалась тщетною. «Они (гонители) живутъ до смерти безпечно, творятъ произволь. Послѣ смерти никто не знаетъ, какъ кому воздастся. Можетъ, Богъ воздастъ тамъ по заслугамъ, а только *здѣсь* за правду нѣтъ возрожденія. Они (гонимые) не узнали, чѣмъ жизнь хороша».

Вотъ гдѣ совпадаетъ Архипова вѣчность съ нашимъ вѣкомъ коротенькимъ; вотъ гдѣ прошелъ единый мечъ сквозь наше сердце и сердце народное. Тутъ мы и народъ—одно.

Въ мукѣ, въ болѣзни одно, но еще не одно въ исцѣленіи.

Толстой не молился, потому что правдой небесной задалъ въ себѣ муку о правдѣ земной, успокоилъ себя: *здѣсь*, на землѣ, всегда такъ будетъ. Христосъ молится, потому что муку о правдѣ земной принялъ всю до конца,—сказалъ: «да не будетъ такъ всегда и *здѣсь*, на землѣ; *да будетъ воля Твоя на землю, какъ на небо*». Что не только на небѣ, но и на землѣ,—въ этомъ для Архипа главное.

Я договариваю, выражаю мысль его яснѣе, чѣмъ онъ самъ выразилъ. Онъ только ошупью подходитъ къ этому, но именно къ этому,—*къ правдѣ Христовой, какъ правдѣ земной*.

«Земная жизнь—не царство Бога... И дѣйствительно, если абсолютно взглянуть, вся земля въ агоніи. Предѣль

этому неизвѣстенъ... Говорятъ, жизнь наша адъ. Мы находимъ въ ней, все-таки, излюбленное, живемъ—веселье есть человѣку на землѣ жить... А многіе ни одного раза, можетъ, не подумали, что такое мы и наша земля, зимою съ ея бѣлыми снѣгами, лѣтомъ—съ райскими цвѣтами. Какъ будто, всѣмъ она хороша, наша родная, любимая до смерти мать-земля. Въ сущности, *наша земля—больная красавица*. Нынѣ насъ радуетъ, завтра заставитъ страдать. Все еще въ агоніи... За наше непониманіе положили Евангеліе подъ спудъ, 2,000 лѣтъ лежитъ—никто его не знаетъ».

Никто не знаетъ Евангелія, потому что никто не знаетъ правды Христовой не только о небѣ, но и о землѣ. Черезъ землю—къ небу, черезъ «агонію земли», безконечную муку о правдѣ земной—къ правдѣ небесной,—это и значитъ, какъ утверждаетъ Архипъ: «Бога черезъ Христа можно понять, можно полюбить Его и подойти къ Нему».

«Современные нѣкоторые люди стали больше разбираться въ Евангеліи,—прибавляетъ онъ загадочно. Что-то говорятъ—не договариваютъ; что-то знаютъ и не сказываютъ. А только почему-то стали отставать отъ жизни, какъ масло отъ воды».

(Если бы «договорили», то, можетъ-быть, не «отстали» бы?).

Кто же эти современные люди? По косноязычію Архипову—русскіе «декаденты», а по нашему косноязычію интеллигентскому—«богоискатели».

«Прочелъ статью Д. С. (Мережковского) въ «Русскомъ Словѣ» о Тютчевѣ. Крайне меня заинтересовала. Въ сущности, Тютчевъ былъ обыкновенный человѣкъ, маленькій, худенькій, голова всклокоченная,—въ общемъ, не сознательный, а можетъ, и *порченный*. Есть такіе: ничего не знаютъ, хоть сердце человѣчье будутъ ѣсть, а скажутъ: на землѣ все позволено... Онъ просто не вникалъ въ жизнь, считалъ жизнь за ненужный, сухой мусоръ, почему и былъ весь всклокоченный...»

Особенно поразила Архипа эта «всклокоченность» Тютчева. Онъ, то и дѣло, возвращается къ ней съ какой-то насмѣшливой нѣжностью. Кажется, въ томъ же метафизическомъ смыслѣ, «всклокоченнымъ» считаетъ и себя самого. «Всклокоченность» — возмущенность, мятежность, любовь къ «хаосу», демонизмъ, «бѣсноватость», «порченность».

«Д. С. вспоминаетъ русскихъ людей,—съ колдуномъ повстрѣчались («Разсказъ отца Алексѣя»). Можетъ, я одинъ изъ нихъ. Да, навѣрно, такъ: еще неизвѣстна моя будущая жизнь и смерть»,—замѣчаетъ Архипъ.

И не себя одного считаетъ онъ «порченнымъ»,—«Когда жена рабочаго разочарованно поетъ пѣсни,—выходить, какъ-будто душа ея въ звѣздное небо просится, въ просторъ древняго хаоса родимаго... «Не пой ты мнѣ про древній хаосъ»... А все-таки онъ—*нашъ*... Это не Христово, но не плохое».

Тутъ опять не договариваетъ онъ, не умѣетъ чего-то сказать. «Не Христово»—не Сыновнее, но, можетъ-быть, Отчее? Въ древнемъ и новомъ, Гетевскомъ смыслѣ, «демоническое»—«божеское»?

И вотъ оказывается, что этою именно «всклокоченностью», мятежностью, любовью къ хаосу, «демонизмомъ», Тютчевъ Архипу ближе Некрасова.

«Тютчевъ при смерти *просіялъ*—можетъ, черезъ это, что не цѣнилъ жизнь, въ ней видѣлъ сухой мусоръ, и у самого были волосы всклокочены, непричесаны—дескать, это къ дѣлу не относится. Некрасовъ же агонію перенесъ, можетъ-быть, потому, что чрезмѣрно любилъ жизнь, весь отдался реальности, ходилъ, навѣрно, съ причесанной головой».

Это значитъ: Тютчевъ, хотя и безсознательно, нерелигіозно, нехристіански, а только язычески, но принялъ на себя весь разладъ міра, хаосъ въ космосѣ, всю безконечную муку, «агонію земли, больной красавицы». А Некрасовъ этой муки не зналъ, или не хотѣлъ знать. Одинъ

весь въ этомъ мірѣ, другой весь въ томъ,—а тотъ міръ больше этого: вотъ почему Тютчевъ больше Некрасова,—кажется, такова мысль Архипа.

Если повѣрить ему, что метафизическая мятежность, любовь къ хаосу, «демонизмъ» (опять-таки въ смыслѣ древнемъ и новомъ, Гетевскомъ: «демоническое»—«божеское»; «не Христово, но не плохое»), если повѣрить, что все это, дѣйствительно, звучитъ въ русской душѣ, то уклонъ отъ Тютчева къ Некрасову, на нашъ интеллигентскій взглядъ столь неожиданный, чрезвычайно знаменателенъ. Вѣдь, это тотъ самый уклонъ отъ стихійной общественности къ сознательной или мнимо-сознательной личности, отъ «соціализма» къ «индивидуализму», который переживается въ настоящее время всею русскою интеллигенціей. Неужели же этотъ уклонъ докатился и до нихъ, до «реальныхъ людей»?

Еще знаменательнѣе выводъ, который дѣлаетъ Архипъ.

«Д. С. какъ бы *подсмѣиваетъ* революціонера: томись иной жаждой, а то все пропало. Къ чему ты стремишься къ гражданской свободѣ? Это все—продолженіе міра сего, и не отъ Бога. Нужно заходить съ другой стороны. Пойми истину—ты будешь свободенъ,—сказалъ Христосъ. А революціонеръ забылъ,—какъ-будто ему не подъ силу. Если бы понялъ, то ужаснулся бы, къ чему стремился».

Архипъ ошибается: никогда ничего подобнаго я не говорилъ. Я только и дѣлаю, что стараюсь доказать, что нельзя «революціонера подсмѣивать», что томящійся жаждой свободы человѣческой, *уже* томится «жаждой иной», и, если даже самъ *еще* не знаетъ этого, ничто не «пропало», «ужасаться» нечему,—не сегодня, такъ завтра узнаетъ.

Но если я даже «революціонера подсмѣиваю», то какъ же Архипъ этому сочувствуетъ? Онъ, который еще такъ недавно «ужасался», какъ его товарищей «за правду гнали». Тогда ужасался, а теперь «подсмѣиваетъ»? Понялъ, что вѣра тщетна, что здѣсь, на землѣ нѣтъ «возрожденія»,—и дѣло съ концомъ?

Но, вѣдь, если такъ, то правъ тотъ, кто «сердце чело-
вѣчье ѣсть» и говорить: «все позволено».

И нѣтъ въ твореніи Творца,
И смысла нѣтъ въ мольбѣ...

«Агонія земли» — безысходна?

Нѣтъ, исходъ есть, утверждаетъ Архипъ. «Настоятельно говоритъ Евангеліе и Д. С. (хотя это и смѣшнымъ считаютъ),—второе пришествіе будетъ, и будетъ *врасплохъ*. Что именно «врасплохъ», безъ всякаго участія воли чело-
вѣческой, внѣ всякаго движенія историческаго,—это сей-
часъ для Архипа самое важное, кажется, даже единственно
важное.

Міръ также будетъ жить во злѣ, въ смерти, въ хаосѣ,—
и вдругъ наступитъ второе пришествіе, преображеніе міра,
тотъ міръ войдетъ въ этотъ. Уже и сейчасъ входитъ,
уже и сейчасъ въ немъ присутствуетъ. «Земля все такая
же,—все то же? Свидѣтельствую, совершенно вѣрно: все
хорошо, даже и то хорошо, на что сейчасъ противно
смотрѣть.—*Все непонятно, все плохо, все хорошо*».

И то, что за правду гонять, и то, что челоѣчье сердце
ѣдятъ и говорятъ: все позволено—тоже хорошо? Тоже «не
Христово, но не плохое?»

Это напоминаетъ «минуты вѣчной гармоніи» бѣснова-
таго Кириллова. А, вѣдь, мы уже знаемъ, чѣмъ это кон-
чается.

Второе пришествіе будетъ «врасплохъ». А что же намъ
сейчасъ дѣлать? «Успокоить себя», сложить руки, сидѣть
у моря и ждать погоды? Но это и есть толстовское и во-
обще христіанское «недѣланіе». Изъ-за чего же было ого-
родъ городить, уходить отъ Толстого?

И не за это ли наше «непониманіе положили Евангеліе
подъ спудъ, 2,000 лѣтъ лежитъ—никто его не знаетъ»?

Тутъ какой-то провалъ, противорѣчіе, косноязычіе не
только въ языкѣ, но и въ мысляхъ Архипа. «Порченность»,
сглаженность».

Хотѣлось бы вѣрить, что это мы его «сглазили» нашею интеллигентностью, и что въ этомъ онъ одинъ. Но страшно подумать, что много такихъ, что эта наша зараза опустилась до сердца народнаго.

Да, наша зараза. Не произошла ли и въ насъ за эти семь лѣтъ та же «перемѣна», что въ Архипѣ? Не отказались ли и мы отъ «недѣланія» толстовскаго не для дѣла— а для недѣланія злѣйшаго? «Кающіеся интеллигенты», «вѣховцы»—не тѣ же ли Архипы? Не такъ же ли и они «подсмѣиваютъ революціонера», говорятъ ему: жажда свободы человѣческой—«не отъ Бога, томись жаждой иной».

Наша земля—«больная красавица». Болѣзнь ея—религіозная созерцательность, бездѣйственность, обломовщина, архиповщина. Ея «агонія»—вѣчное колебаніе между Европой и Азіей, движеніемъ и недвижностью, дѣланіемъ и недѣланіемъ.

«Все непонятно, все плохо, все хорошо»,—это отказъ отъ дѣйствія, отъ спасенія, отъ Христа, Который для того и пришелъ, чтобы принести мечъ, отдѣляющій «плохое» отъ «хорошаго».

Преображеніе, искупленіе міра совершается, но не безъ участія воли человѣческой. Мы «все своимъ умомъ крепимся къ Божьей правдѣ»,—умомъ, но не волею.

Мы, какъ разслабленный въ Силоамской купели, все ждемъ, чтобы ангелъ возмутилъ воду. Разслабленный не можетъ встать и пойти, но можетъ протянуть руки. Но если не можетъ и руки протянуть, можетъ поднять взоръ; если не можетъ и взора поднять, можетъ захотѣть это сдѣлать.

Захотимъ же сдѣлать—только тогда исцѣлитъ Христосъ нашу землю, больную красавицу.

ПОДЕНЩИКЪ ХРИСТОВЪ

I.

Говорить о христіанствѣ Л. Толстого въ нынѣшней «христіанской» Европѣ—почти то же, что говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго.

Недавній властитель думъ, Толстой, какъ-будто, вдругъ потерялъ всю свою власть,—какъ будто, сталъ вдругъ весь нехстати, ненуженъ, несовремененъ, несвоевремененъ; намъ нечего дѣлать съ нимъ, какъ, впрочемъ, и со всѣми мудрецами, учителями, пророками. Кажется, никогда еще не обнажалось такъ, какъ сейчасъ, безсиліе человѣческаго духа передъ бездушною силою матеріи: что бы люди духа ни говорили, ни думали, ни чувствовали, ни дѣлали,—отъ этого ничто не измѣнится. О всей духовной жизни человѣчества можно сказать въ наши дни: баба скачетъ задомъ и передомъ, а дѣло идетъ своимъ чередомъ.

И, можетъ быть, не даромъ посланъ былъ Толстой на канунъ того, что въ наши дни совершается. «У меня были времена, когда чувствовалъ, что становлюсь проводникомъ воли Божіей»,—говоритъ онъ въ своемъ «Завѣщаніи». Проводникъ воли Божіей, предвѣстникъ, предтеча—гласъ вопіющаго въ пустынь: «Обратитесь, покайтесь. Уже сѣкира лежитъ при корнѣ дерева». Не обратились, не покаялись,—и совершилось то, что должно было совершиться. Сѣкира ударила, и огонь, въ которомъ сожжется дерево, уже пылаетъ.

Да, нечего грѣха таить, мы о Толстомъ забыли. Хотимъ вспомнить и не можемъ. Былъ—и нѣтъ его, а если даже

есть, то намъ почти не мѣшаетъ: не бревно, не сучокъ, а соринка въ глазу. И мы ее вынули,—рѣшили: великій художникъ, великій мудрецъ, великій праведникъ, но... Этихъ «но» такъ много, и такъ они извѣстны, что повторять не стоитъ.

Мы забыли о немъ; но вотъ онъ самъ напомнилъ о себѣ, да еще какъ! Немногіе повѣрятъ сейчасъ, что «Дневникъ» (1895—1899)—одно изъ сильнѣйшихъ произведеній его, если не самое сильное.

Книга «несовременная». Но время наше пройдетъ, пройдутъ вѣка, а это останется. И съ чѣмъ это сравнить въ вѣкахъ прошедшихъ? Съ Паскалемъ, Эпиктетомъ, Сократомъ, Маркомъ Авреліемъ? Нѣтъ, все не то. Кто пойметъ эту книгу, тому будетъ понятна и несравнимость, несоизмѣримость ея, небывалость, единственность.

У насъ вообще нѣтъ мѣры для Толстого. Мы еще не знаемъ, что онъ такое. Стоя у подошвы горы, нельзя видѣть ея вершину; по истокамъ рѣки нельзя судить объ ея разливіи. Толстой растетъ на нашихъ глазахъ, и во что онъ выростетъ, мы еще не вѣдаемъ.

Трудно понять «Дневникъ», потому что онъ слишкомъ простъ. Намъ кажется, что мудрое темно и сложно; а оно просто и ясно. «Все то, что глубоко, то ясно. Какъ вода, которая бываетъ мутна на поверхности, а чѣмъ глубже, тѣмъ прозрачнѣе»,—говоритъ Толстой. Прозрачное—невидимое. Въ «Дневникѣ» эта невидимость.

Скучная книга, — скажетъ читатель со спокойною совѣстью.

Но у кого «горятъ змѣи сердечной угрызенья», тотъ пусть лучше не заглядываетъ въ эту книгу: тамъ соль на раны.

Да это вовсе и не книга, не разговоръ съ читателемъ, а разговоръ съ самимъ собою и съ Богомъ,—чуть слышный шопотъ. Но онъ сильнѣе громовъ: умолкнутъ громы, а то, о чемъ этотъ шопотъ, не умолкнетъ во вѣки вѣковъ.

Это или совсѣмъ не дѣйствуетъ, или такъ, какъ ни одна изъ книгъ. Этого нельзя читать безнаказанно: прочесть—позаблть. Можетъ быть, и забудется, но въ самую страшную минуту жизни, въ минуту смерти, вспомнится.

Не книга, а смертный приговоръ читателю. Тотъ «свитокъ»,—

Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ,—

который будетъ читать каждый изъ насъ «въ день гнѣва, въ день оный, когда и праведникъ едва спасется».

II.

Вообще Толстой насъ противъ шерсти гладитъ, а здѣсь, въ «Дневникъ», особенно.

Книга о смерти. А мы смерти знать не хотимъ. Не знаютъ смерти боги и звѣри. Но, вѣдь, мы не боги...

— Когда ты перестанешь мнѣ твердить объ этой гадости!—прерывалъ Соболевскій Пушкина, когда тотъ говорилъ ему о смерти.

— Прощайте. Увидимся, если не *сшалимъ*,—говорила одна старушка XVIII вѣка.

Смерть—«гадость», смерть—«шалость», смерть—«случай». Казалось-бы, наоборотъ: все случайно, кромѣ смерти.

Тутъ между Толстымъ и нами противорѣчіе безысходное: или мы въ здоровомъ умѣ, а онъ сумасшедшій, или мы сумасшедшіе, а онъ въ здоровомъ умѣ.

«Е. б. ж.»—«если буду живъ,—такъ заканчиваетъ онъ запись прошедшаго дня, выставяя впередъ число слѣдующаго, и это лучше всего выражаетъ то состояніе душевно-тѣлесное (да, не только душевное, но и тѣлесное—въ этомъ главное), въ которомъ писался «Дневникъ». «Если буду живъ»—означаетъ условность, сомнительность, призрачность жизни и безусловность, несомнѣнность, дѣй-

ствительность не смерти, а того, что намъ, живымъ, кажется смертью.

Наполеонъ думалъ, что люди умираютъ только тогда, когда сами этого хотятъ, конечно, безсознательно. У Толстого эта безсознательная воля къ смерти становится сознательной.

Намъ кажется, что смерть есть то, что съ нами *дѣлается*; Толстой знаетъ, что смерть есть то, что мы сами съ собою *дѣлаемъ*. «Умирать постоянно готовишься, и это—*дѣло*... Учишься получше умирать». Смерть—наука, смерть—искусство. Человѣкъ—художникъ, творецъ не только своей жизни, но и своей смерти.

«...Лежалъ, засыпая; вдругъ точно что-то оборвалось въ сердцѣ. Подумалъ: такъ приходитъ смерть отъ разрыва сердца, и остался спокоенъ,—ни огорченія, ни радости, но блаженно спокоенъ; здѣсь ли, тамъ ли,—я знаю, что мнѣ хорошо,—то, что должно,—какъ ребенокъ на рукахъ матери, подкинувшей его, не перестаетъ радостно улыбаться, зная, что онъ въ ея любящихъ рукахъ».

«...Вчера, потушивъ свѣчу, сталъ шупать спички и не нашелъ, и нашла жутость. «А умирать собираешься? Что-жъ, умирать тоже будешь со спичками?»—сказалъ я себѣ, и тотчасъ же увидалъ настоящую свою жизнь въ темнотѣ и успокоился... То, что было страхомъ, стало успокоеніемъ».

«...Страшный чирей на щекѣ. Я думалъ, что ракъ, и радъ, что не очень непріятно было думать это: получаю новое назначеніе,—то, которое, во всякомъ случаѣ, не минуетъ меня».

Чирей, страхъ темноты, боль въ сердцѣ,—это все въ тѣлѣ. Сначала въ тѣлѣ, а потомъ въ душѣ. Отъ тѣлеснаго къ душевному,—таковъ путь Толстого и здѣсь, въ религіи, какъ тамъ, въ искусствѣ. Намъ казалось, что Толстой, религіозный мыслитель, измѣняетъ художнику. Ничуть не бывало: онъ до конца остается тѣмъ, чѣмъ былъ всегда—великимъ реалистомъ, тайновидцемъ плоти

или, вѣрнѣе, того, что соединяетъ духъ съ плотью, той промежуточной области между тѣломъ и душою, которую апостолъ Павелъ называетъ «тѣломъ душевнымъ». Никакой идеальности, отвлеченности; все реально, тѣлесно, чувственно, опытно.

«Недавно я испытывалъ чувство—*не то что разсужденіе, а чувство*,—что все матеріальное, и я самъ съ своимъ тѣломъ есть только мое представленіе, есть произведеніе моего духа, и что *есть* только мой духъ».

Не разсужденіе, а чувство, не мысль, а опытъ, не идеализмъ, а реализмъ—въ этомъ главное.

«Я вижу въ зеркалѣ человѣка, слышу его голосъ и вполне увѣренъ, что это настоящій человѣкъ; но подхожу, хочу взять его за руку и ощупываю стекло зеркала и вижу свой обманъ. То же должно происходить съ умирающимъ человѣкомъ: рождается новое чувство, которое открываетъ ему обманъ признанія собою своего тѣла и всего того, что черезъ посредство чувствъ этого тѣла признавалось существующимъ».

Кантъ изслѣдуетъ оптическіе законы, по которымъ предметы отражаются въ зеркалѣ («трансцендентальная эстетика»); Толстой ощупываетъ стекло зеркала: въ этомъ отличіе философскаго мышленія отъ религіознаго опыта.

Безсмертіе—вѣчная жизнь не только тамъ, за гробомъ, когда-нибудь, но и здѣсь, на землѣ, сейчасъ, — таковъ реализмъ этого опыта. «Чтобы вѣрить въ безсмертіе, надо жить безсмертною жизнью *здѣсь*». Смерть есть «перенесеніе себя изъ жизни мірской въ жизнь вѣчную *здѣсь, теперь*, которое я испытываю». Не мыслю, а испытываю,—въ этомъ опять главное.

Умеръ — «преставился», какъ говорятъ христіане. Жизнь—«представленіе»; смерть—«преставленіе», преставленіе, перемѣна декорацій, переходъ изъ одной сцены въ другую. «Въ моментъ перехода видно, что то, что мы считали дѣйствительностью, есть только представленіе, такъ какъ мы переходимъ отъ одного представленія къ другому.

Во время этого перехода видна или хоть чувствуется самая настоящая реальность».

Если охотничій нюхъ дяди Ерошки, влюбленность Анны Карениной, материнство Китти—«самая настоящая реальность», то, можетъ быть, и это чувство безсмертія—тоже? Мы вѣримъ великому реалисту Толстому въ жизни; почему бы не вѣрить ему и въ смерти? Не обманулъ насъ тамъ,—не обманетъ и здѣсь.

Кто обманываетъ, тотъ убѣждаетъ, доказываетъ; а онъ ни въ чемъ не убѣждаетъ, ничего не доказываетъ, — только показываетъ.

Нельзя доказать, но можно «испытать» безсмертіе еще здѣсь, на землѣ. Такой опытъ—«Дневникъ».

Человѣкъ что-то держитъ въ рукахъ; мы не видимъ, *что*,—но по тому, *какъ* держитъ, видимъ, что есть что-то, какъ бы осязаемъ, ощупываемъ. Въ «Дневникъ»—такое осязаніе безсмертія.

Скрученные пальцы чувствуютъ два хлѣбныхъ шарика, а глазъ видитъ, что шарикъ одинъ; такъ умирающій чувствуетъ жизнь и смерть, а видитъ одно—безсмертіе.

«Вѣрующій въ Меня не увидитъ смерти вѣкъ»,—это въ «Дневникъ» совершается во-очію: умирающій перестаетъ видѣть смерть.

Толстовскій «опытъ безсмертія» есть въ сущности не что иное, какъ самый подлинный опытъ христіанской святости.

Тутъ, несмотря на всѣ свои отступленія отъ церкви, Толстой церковенъ и даже православенъ до мозга костей.

Вѣдь, и опытъ христіанской святости—опытъ не только духовный, но и тѣлесный, не только метафизика, но и фізіологія,—фізіологія, углубленная до метафизики.

Тутъ можетъ быть одна только разница—въ большей утонченности и обостренности, сознательности опыта. Вносить свѣтъ сознанія въ самыя темныя глубины безсознательнаго, видѣть въ нихъ то, чего никто не видитъ, помнитъ то, чего никто не помнитъ,—эта особенность Тол-

стовскаго генія художественнаго сохраняется и здѣсь, въ религіи. Цѣлые міры, солнца—въ бесконечно-малыхъ дробяхъ, атомахъ чувства.

«На колѣняхъ перевернулся разрѣзной ножъ отъ тяжести, и мнѣ показалось, что это живое, и я вздрогнулъ. Отчего? Оттого, что ко всему живому есть обязательства, и я испугался, что, не исполняя ихъ, я раздавилъ, прижалъ живое существо».

Естественное чувство языческое—страхъ или брезгливость за себя, за свое тѣло, страхъ чужого тѣла неизвѣстнаго; естественное чувство христіанское—страхъ за чужое тѣло.

Здѣсь атомъ чувства, но въ атомѣ—солнце: начало того, что можетъ быть высшимъ явленіемъ святости—«преображеніемъ плоти».

III.

Христіанство Толстого—древнее, вѣчное; но есть въ немъ, и новизна небывалая.

Въ христіанской святости нѣтъ боли социальнаго неравенства. Святой червяка не раздавить, цвѣтка не растопчетъ, а мимо вопіющихъ страданій человѣческаго рабства и бѣдности проходитъ безболѣзненно: всегда были, всегда будутъ рабы и нищіе; такъ отъ Бога положено: рабы, повинуйтесь; нищіе, терпите.

Но именно тутъ, гдѣ христіанская святость кончается, святость Толстого начинается.

«...Всю ночь не спалъ. Сердце болитъ не переставая... Помогите, Отецы!—Вчера шелъ и встрѣтилъ 80-лѣтняго Акима пашущимъ, Яремичеву бабу, у которой во дворѣ нѣтъ шубы и одинъ кафтанъ, потомъ Марью, у которой мужъ замерзъ, и некому рожь свозить, и морить ребенка; и Трофимъ и Халявка, и мужъ и жена, и дѣти ихъ. А мы Бетховена разбираемъ. И молился, чтобъ Онъ избавилъ меня отъ этой

жизни. И опять молюсь, кричу отъ боли. Запутался, завязъ, самъ не могу, но ненавижу себя и свою жизнь».

Онъ весь—воплощенное угрызеніе соціальной совѣсти, воплощенная боль соціальнаго неравенства. «Накиньте на-мыленную веревку на мою старую шею!» — только теперь, по «Дневнику», мы поняли, что значитъ этотъ страшный крикъ.

Въ мысляхъ суживалъ свое христіанство, понималъ его по-старому, церковному, какъ только личное. Но въ чувствахъ и больше всего именно въ этомъ чувствѣ соціальной боли—расширялъ до безпредѣльности, дѣлалъ христіанство такимъ общественнымъ, какимъ оно никогда еще не было.

Вѣдь, соціальная боль и есть новая святая, религіозная боль челоувѣчества. И если христіанство къ ней безчувственно, то правы тѣ, кто утверждаетъ, что оно кончено. Что это не такъ, что можно приобщить христіанство къ этой боли,—Толстой показалъ, какъ еще никто никогда не показывалъ.

IV.

Судить челоувѣка въ религіи надо не по тому, что онъ говоритъ и думаетъ, а по тому, чѣмъ онъ живетъ и что дѣлаетъ. Мысль—поверхность, иногда ложная; воля—всегда истинная глубина религіи.

Во всѣхъ своихъ религіозныхъ писаніяхъ Толстой кажется «раціоналистомъ». Но до какой степени раціонализмъ для него несуществененъ, поверхностенъ,—видно по «Дневнику».

«Разумъ данъ не на то, чтобы познать, что надо любить: этого онъ не покажетъ; а только на то, чтобы указать, чего не надо любить». Нельзя точнѣе опредѣлить религіозную условность разума. Недостаточность, ограниченность всѣхъ построеній умственныхъ вообще и своихъ особенно видитъ онъ яснѣе, чѣмъ кто-либо. «Запутался». «Глупо». — «Вотъ такъ чепуха!» — то и дѣло прибавляетъ

послѣ каждой высказанной мысли и не смущается: знаетъ, что тамъ, гдѣ потухаетъ мысль, загорается воля — единственно доступная людямъ, возможность религіозной истины.

Законъ мысли—логическая послѣдовательность, «да» или «нѣтъ»; законъ религіозной воли — метафизическая противорѣчивость, антиномичность,—«да» и «нѣтъ» вмѣстѣ. Чѣмъ религіознѣе, тѣмъ противорѣчивѣе.

Если-бы Толстой былъ послѣдователенъ, онъ не чувствовалъ бы соціальной боли, такъ же какъ не чувствуютъ ея христіанскіе святые. Вѣдь, эта боль есть только часть всей той «поганой плоти», которую онъ хотѣлъ бы уничтожить: «Отецъ, покори, изгони, уничтожь поганую плоть». Всю плоть, со всѣми болями и съ болью соціальною тоже. Такъ—въ логикѣ, въ мысли, но въ религіозной жизни и волѣ не такъ. Всею своею жизнью и волею Толстой принимаетъ это самое острое и огненное жало плоти,—муку соціальнаго неравенства. Тутъ конецъ логики, начало религіи.

Для мысли его есть одна только правда—умираніе, ухожденіе изъ плоти. Для воли его это только одна изъ двухъ правдъ.

«Ѣхалъ мимо закутъ. Вспомнилъ ночи, которыя я проводилъ тамъ, и молодость, и красоту Дуняши (я никогда не былъ въ связи съ нею), сильное женское тѣло ея. Гдѣ оно?»

Да, гдѣ? Если тамъ же, гдѣ и вся «поганая плоть», то и спрашивать не о чемъ.

«Еще думалъ нынче-же совсѣмъ неожиданно о прелести,—именно прелести,—зарождающейся любви... Это—въ родѣ того, какъ пахнувшій вдругъ запахъ липы или начинающая падать тѣнь отъ мѣсяца». Да, «совсѣмъ неожиданно», нелогично, непослѣдовательно. «Глупо».—«Запутался».—«Вотъ такъ чепуха!» Глупо для христіанина, старца Акима, а для дяди Ерошки, язычника — мудро. Можетъ быть, сильное женское тѣло Дуняши, зарождаю-

щаяся любовь, запахъ липы, тѣнь отъ мѣсяца—не «поганая» а невинная, чистая, «святая плоть»?

«Вчера иду по передвоенному черноземному пару. Пока глазъ окинетъ, ничего, кромѣ черной земли,—ни одной зеленой травки; и вотъ на краю пыльной, сѣрой дороги кустъ татарника (репья). Три отростка: одинъ сломанъ, и бѣлый, загрязненный цвѣтокъ виситъ; другой сломанъ и забрызганъ грязью черной,—стебель надломленъ и загрязненъ; третій отростокъ торчитъ вбокъ, тоже черный отъ пыли, но все еще живъ, и серединкѣ краснѣется. Напомнилъ Хаджи-Мурата... Отстаиваетъ жизнь до послѣдняго, и одинъ среди всего поля, хоть какъ-нибудь, да отстоялъ ее».

Погубить душу свою, отдать жизнь—свято; но вотъ и «отстаивать жизнь до послѣдняго» — тоже свято. Двѣ святости, какъ-бы два потока — оттуда сюда, изъ того міра въ этотъ—рожденіе, вхожденіе; и отсюда туда, изъ этого міра въ тотъ—умираніе, уходженіе. Два потока и оба одинаково божественны. Не какъ уничтожить одну святость другою, а какъ соединить обѣ,—вотъ въ чемъ вопросъ. Этого Толстой не видитъ, но этимъ только и живетъ.

V.

«Видѣлъ во снѣ, что думаю, говорю, что все дѣло въ томъ, чтобы сдѣлать усиліе, то самое, что сказано въ Евангеліи: «Царство Божіе усиліемъ берется»... Все хорошее, все настоящее совершается усиліями... Усиліе важнѣе всего».

Вся жизнь и смерть его—одно усиліе безконечное. Изнемогаетъ, падаетъ. «Нѣтъ отдыха ни на чемъ почти». — «Невыразимая тоска.. Сейчас молился и ужаснулся тому, какъ низко я упалъ». — «Мало вѣрю въ Бога». — «Общая отчаянность». — «Опять все по-старому; опять такъ же гадка моя жизнь»... «Хочется плакать надъ собой, надъ напрасно

губимымъ остаткомъ жизни». Падаетъ и подымается, лѣзетъ, карабкается на страшную голую кручу, самъ голый и страшный, какъ дядя Ерошка или тотъ мужичокъ изъ бреда Анны Карениной, который въ желѣзѣ копается: «Il faut le battre, le broyer, le pétrir».

У насъ тѣло, какъ дымъ; у него — какъ желѣзо. У насъ корни, какъ у луковки; у него — какъ у дуба. Чтобы вырвать ихъ, выкорчевать, какое нужно усиліе!

Да, если кто-нибудь восхищалъ Царство Божіе усиліемъ, то это — онъ.

«Трудна работа Господня!» — говорилъ Вл. Соловьевъ, умирая. Можно, сказать, что Толстой всю жизнь умиралъ и работалъ работу Господню.

Не святой, не пророкъ, не учитель, а рабочій, черно-рабочій, поденщикъ Христовъ.

